

А. Глебов «Как кувшин воевал»

Гриша увидел, как бабушка, сидя у открытого сундука, долго перебирала в руках глиняные черепки, потом, завернув их в чистое расшитое полотенце, бережно положила обратно.

— Бабушка, что это за черепки такие? — спросил Гриша.

— Это кувшин разбитый... На войне воевал.

— Кто? — удивился Гриша.

— Кувшин, — серьёзно сказала бабушка.

— Кувшины не воюют, — не поверил Гриша.

— А этот воевал...

И бабушка рассказала Грише про то, как воевал с фашистами обыкновенный глиняный кувшин.

— Дед наш в то лето плотничать на стройку уехал, — начала свой рассказ бабушка. — Осталась я дома одна с Серёжей, отцом твоим, тогда ему шестой годок шёл... А осенью нагрянули к нам в деревню на мотоциклетах немцы. Столько их понаехало, проклятых, будто саранча! В каждую избу набились. А в нашей избе, как самой просторной, немецкого генерала поселили. Генерал вот тут, в горнице, жил, а нас с Серёжей проклятый Хлюгель в холодные сени выгнал.

— А кто такой Хлюгель? — спросил Гриша.

— Денщик генеральский, длинноногий такой, — объяснила бабушка. — Будто журавль, по избе вышагивал... Портрет Гитлера, главного ихнего фашиста, на стенке повесил. «Хайль Гитлер!» — кричит. А сам руку на портрет выкидывает. За день, бывало, разов по десять руку выкидывал — будто заводной.

Погнала я раз корову на Дальний луг. Иду обратно и слышу, окликнул меня кто-то по имени и отчеству. «Батюшки, — думаю, — кто же это меня так кличет?» Оглянулась, а это агроном наш, Нил Васильевич.

— Здравствуйте, Екатерина Яковлевна, — говорит.

— Здравствуйте.

— Дело у меня к вам есть...

— Какое?

— Помочь вы нам должны, Екатерина Яковлевна.

— Чем помочь-то, Нил Васильевич? — спрашиваю.

— Староста Пашка Валет у вас часто бывает?

— Часто. Каждый день с переводчиком заходит. А что?

— Ухо остро держите, — сказал Нил Васильевич.

И договорились мы с ним — как только узнаю я, что немцы недоброе замышляют, — сейчас знак подаю. Тайный... Из избы Нил Васильевич выходить не велел. Чтобы не заподозрили.

— А какой знак, бабушка? — спросил Гриша. — Песню какую-нибудь петь?

— Да нет, не песню, — улыбнулась бабушка. — Тогда не до песен было... Слушай дальше. Стала я после этого разговора прислушиваться да присматриваться. Печку топлю, бывало, а сама слушаю. Что они по-своему, по-немецки лопочут — не понимаю, а когда Пашке Валету через переводчика приказания отдают, тут уж я всё разбираю. Отдадут, к примеру, приказ — деревенских обыскивать, чтобы раненых красноармейцев наших найти, — я кувшин глиняный вот на это окно ставлю, которое на дорогу выходит. Услышу, что немчура в Марьином лесу партизанам облаву собирает устраивать, а Пашка Валет сопровождать их будет, — я кувшин на другое окно выставлю, которое на лес смотрит. Так мы с Нилом Васильевичем и разговаривали... А он уж знал, что делать, сейчас надёжных ребятишек куда нужно пошлёт, кого в лес, а кого по избам. Много раз немцы красноармейцев искали, да не нашли.

— Бабушка, а кто кувшин разбил? — спросил Гриша.

— В бою разбили, — вздохнула бабушка. — Задумали раз партизаны, мужики наши, немецкие мотоциклетки поджечь... Ночью слышу — стрельба поднялась, а пуще всех у нашей избы палят. Открыла я дверь в горницу и вижу: в окнах зарево, на улице мотоциклетки горят, генерал на печке с пистолетом за трубой сидит, а Хлюгель по горнице бегает, по окнам из автомата строчит. Долго строчил... На улице уж и стрелять давно перестали, а он всё строчит. Все окна побил, проклятый. А утром увидела я на полу кувшин разбитый. Одни черепки остались. И так мне его жалко стало, чуть я не заплакала с досады. «Воин ты мой», — думаю. Собрала я с полу черепки, завернула в полотенце и берегла их до самой нашей победы... Да вот и сейчас берегу.